

Т. В. Юрьева

Опыт определения памятника как выдающейся универсальной ценности: фрески Успенского собора г. Свияжска

В статье рассматриваются параметры понятия «выдающаяся универсальная ценность» и соответствие этим параметрам комплекса фресок Успенского собора в Свияжске. Поднимаются основные проблемы, связанные с определением фрескового комплекса Успенского собора как «выдающейся универсальной ценности».

Автор выделяет ряд проблем, возникших в работе с конкретным памятником древнерусской монументальной живописи, такие как неустойчивость датировок исполнения стенописи, отсутствие прямых аналогов в историческом комплексе сохранившихся памятников древнерусской живописи; а также предлагает ряд подходов в решении поставленной задачи – определения комплекса фресок Успенского собора в Свияжске как выдающейся универсальной ценности и подготовка материалов для внесения данного памятника в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: памятник, выдающаяся универсальная ценность, всемирное наследие, ЮНЕСКО, древнерусская культура, древнерусское искусство, фрески, монументальная живопись, Успенский собор г. Свияжска.

Т. V. Yurieva

Experience in Defining a Monument as an Outstanding Universal Value: the Assumption Cathedral Frescos in Sviyazhsk

In the article parameters of the concept «outstanding universal value» and compossibility to these parameters of the complex of the Assumption Cathedral frescos in Sviyazhsk are regarded. The main problems are raised concerning the definition of a fresco complex of the Assumption Cathedral as «an outstanding universal value».

The author allocates a number of problems which were in work with a certain monument of the Old Russian monumental painting, such as instability in datings of fresco painting, absence of direct analogues in the historical complex of Old Russian painting monuments in a good state of preservation; and also the author offers a number of approaches to solve the objective – to define the complex of the Assumption Cathedral frescos in Sviyazhsk as an outstanding universal value and to prepare materials for enrolling this monument on the list of the UNESCO world heritage.

Keywords: a monument, an outstanding universal value, world heritage, UNESCO, Old Russian culture, Old Russian art, frescos, monumental painting, the Assumption Cathedral of Sviyazhsk.

В течение 2014–2015 гг. в Татарстане, в частности, в музее-граде Свияжске, велась работа по включению памятников этого места в список памятников Всемирного Наследия ЮНЕСКО. Участие в этом процессе дало автору статьи неоценимый опыт осмысления того культурного наследия, которым мы обладаем. Это особая работа, в процессе которой памятники культуры не просто исследуются, а должны быть вписаны в мировой культурный контекст с последующим доказательством их уникальности.

Надо отметить, что исследователи редко мыслят именно в этом ключе, поскольку для всех нас любой памятник культуры ценен и уникальность его доказывать не надо. Трудная российская история заставляет очень внимательно относиться даже к небольшим следам утраченного культурного наследия, в которых мы всегда видим отдельную и несомненную ценность, что совершенно не очевидно для западной культуры.

В Свияжске, может быть, как нигде, встретились разные позиции оценивания значимости того, что мы пытаемся сохранять и, соответственно, предъявлять мировому сообществу.

Тем не менее, есть определенный регламент, процедура включения объекта в список памятников Всемирного Наследия, которая опирается, прежде всего, на понимание того, что же является культурным наследием и выдающейся универсальной ценностью.

В Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры 16 ноября 1972 г., под «культурным наследием» понимаются

– *памятники*: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную цен-

ность с точки зрения истории, искусства или науки;

– *ансамбли*: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

– *достопримечательные места*: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

То есть, и это все время подчеркивается, – это некая *объективная объектность*, которая, находясь в обладании частного лица, группы лиц или государства, представляется *выдающейся универсальной ценностью* [7].

Термин «*Выдающаяся универсальная ценность*» был введен конвенцией без определения, но совершенно очевидно, что понимание сути этого термина лежит в основе всего процесса включения какого-либо объекта в список памятников культурного наследия. В современной российской культурологической научной литературе делается ряд попыток теоретически осмыслить этот термин. В частности, В. Шестаков предложил следующее его определение: *выдающаяся универсальная ценность* – это культурная ценность, значимая для мирового сообщества, где *Универсальная культурная ценность* (КЦ_У) может быть представлена в форме: $KЦ_U = \alpha p + \beta q + \gamma r$, где

α – ценность предмета (объекта) для государства,

β – ценность предмета (объекта) для религиозной организации,

γ – ценность (предмета) объекта для корпорации (сословия, самодельного профессионального союза, творческого объединения граждан, национального образования народов, населяющих Российскую Федерацию).

Знаки p , q , r – соответствующие вероятности подлинности предмета.

При этом критерием светской ценности является наличие у предмета качеств (научного, исторического или культурного характера) либо особых признаков, которые делают необходимым для общества его сохранение, изучение и публичное представление. Критерием религиозной ценности является ощущение у представителей религиозной концессии, что данный предмет приближает их к Богу. Критерием корпоративной ценности (научной, сословной, кастовой, общественной,

партийной и т. п.) является ощущение у его членов приобщенности к единому органическому образованию – корпорации [13].

Кроме того, концепция определения в памятнике черт выдающейся универсальной ценности заложена в составленных для практического применения следующих оценочных критериях.

Культурные критерии:

– Объект представляет собой шедевр человеческого созидательного гения.

– Объект свидетельствует о значительном взаимовлиянии человеческих ценностей в данный период или в определенном культурном пространстве, в архитектуре или в технологиях, в монументальном искусстве, в планировке городов или создании ландшафтов.

– Объект является уникальным или по крайней мере исключительным для культурной традиции или цивилизации, которая существует до сих пор или уже исчезла.

– Объект является выдающимся примером конструкции, архитектурного или технологического ансамбля или ландшафта, которые иллюстрируют значимый период человеческой истории.

– Объект является выдающимся примером человеческого традиционного сооружения, с традиционным использованием земли или моря, образцом культуры (или культур) или человеческого взаимодействия с окружающей средой, особенно если она становится уязвимой из-за сильного влияния необратимых изменений.

– Объект напрямую или вещественно связан с событиями или существующими традициями, с идеями, верованиями, с художественными или литературными произведениями и имеет исключительную мировую важность. (По мнению комитета ЮНЕСКО, этот критерий предпочтительно использовать вместе с каким-либо еще критерием или критериями).

Забегая вперед, скажу, что особое внимание стоит обратить на 4 и 6 критерии, именно их миссия ИКОМОС рекомендовала для определения номинации Успенского собора.

В целом же все эти моменты должны быть означены и еще раз осмыслены, поскольку еще в 2013 г. в докладе ИКОМОСа для Комитета Всемирного наследия (37 сессия, Пномпень, июнь 2013. – 13/37. СОМ/INF. 8В1) по отношению к номинируемому на включение в список всемирного наследия острову-граду Свияжску был высказан ряд замечаний, среди которых главным было то, что не доказана *выдающаяся универсальная ценность* острова-града Свияжска, то есть данная

ценность не была представлена с точки зрения важности для мирового сообщества [2].

В ходе работы Консультативной Миссии ИКОМОС по Свяязску в августе 2014 г. стало ясно, что не весь остров-град, а скорее Успенский собор г. Свяязска «является основным претендентом на включение его в список Всемирного Наследия и что главная особенность Успенского собора, которую выделила миссия, это «обширные росписи, покрывающие все основные стены храма, а также ранние иконы из иконостаса, находящиеся в настоящее время в Государственном музее изобразительных искусств в Казани» [3, с. 6].

В частности, в докладе Консультативной Миссии ИКОМОС по Свяязску 2014 г. было отмечено, что «исследование основных культурных ресурсов острова привело к выводу, что настенные росписи собора Успенского монастыря могут рассматриваться как выдающееся свидетельство стратегического развития Свяязска в качестве форпоста для успешного взятия Казанского Ханства Иваном Грозным и для последующей амбициозной культурной программы, инициированной московскими правящими кругами в середине XVI-го в. для укрепления связей между богословием и имперской экспансией. Если номинация, основанная на ценности этих фресок, находящихся в монастыре, будет рассматриваться в соответствии с критериями (4) и (6), она должна быть представлена с подробным описанием истории сохранения зданий Успенского монастыря и настенной живописи с наибольшим количеством доказательств того, что Свяязск был связан с основными культурными событиями в Москве и других местах в конце XVI и начале XVII в.» [3, с. 3–4].

Также указывается их «уникальность» среди Российских фресок с точки зрения исполнения и полноты, «редкость» фресок Свяязска для истории средневековой русской росписи. Было отмечено исключительное качество изображений, а также их очень сложные циклы и необычные сцены.

Далее миссия ИКОМОС указывает, что для номинации Успенского монастыря необходимо решить ряд вопросов. Остановлюсь только на тех, что касаются непосредственно фресок Успенского собора. Миссия ИКОМОС рекомендовала определить прямую связь между Успенским собором и Иваном Грозным и ответить на следующие вопросы:

– Существует ли информация о художниках, создавших фрески, или об этом можно судить, только исходя из стилистических доказательств?

– Можно ли здесь проследить связь с работами в Москве? Можно ли предположить, что мастера из столицы работали в Свяязске среди местных иконописцев?

– Есть ли прямые доказательства того, что фрески в Свяязске являются отражением амбициозной культурной программы, инициированной правящим и московскими кругами в середине XVI в.?

– Связаны ли росписи в соборе с графическими темами, которые обсуждались на совете «Стоглав» в 1551 г. – историческом событии, которое имеет большое значение не только для России, но и для Восточной православной церкви и истории иконописи?

– Известно ли что-нибудь о сотрудничестве между московскими церковными лидерами и местным духовенством в вопросе строительства церкви и создания фресок?

– Каковы последние оценки датировки росписей?

– Как могут быть обоснованы подлинность и целостность фресок?

Важно отметить, что все эти вопросы уже поднимались в свое время в научной литературе, тем не менее, ответы на многие из них остаются открытыми. Так, в вопросах миссии ИКОМОС постоянно звучит апелляция ко времени Ивана Грозного и неизбежно возникает тема датировки стенописей храма. Как отмечается в докладе ИКОМОС (2013 г.), датировка «не является единственной обязательной причиной, по которой объект можно считать выдающимся», тем не менее, «причиной обязательной» [2]. Как видится, этот вопрос является главным камнем преткновения, его решение определяет и специфику возможных интерпретаций самого фрескового комплекса, его уникальности.

Напомню, что в современной исследовательской литературе существует несколько датировок, к которым привязывают создание росписи Успенского собора. Как уже было отмечено ранее, первой предполагаемой датой росписи является 1558 г. – время освящения собора. Дату впервые назвал Д. В. Айналов [1, с. 7], позже она была признана ошибочной. М. К. Каргер [5, с. 5], а вслед за ним Б. В. Михайловский и Б. И. Пуришев [9, с. 69–76] уточняли эту дату как 1560 год, а Н. Е. Мнева – как 1561 год [10]. Основным поводом датировать свяязские фрески серединой XVI в. является надпись на антиминсе и так называемая «макарьевская» сюжетика росписей.

Последующее изучение фресок собора вызвало ряд возражений по поводу названных дат и в

конечном итоге по предложению И. А. Кочеткова датировка была расширена до границ от 1567 до 1614 г. [8].

Отдельное мнение по поводу даты росписи Успенского собора высказывает исследователь программы свияжских фресок Н. В. Квливидзе. В частности, она пишет: «Если росписи не были выполнены в период игуменства святителя Германа или пребывания его на Казанской кафедре, то временем, когда собор могли расписать в силу внимания к обители и ее святому основателю, становится 1592 год. Однако этому противоречит иконография росписей. Отсутствие изображения святителя в алтарной росписи на тему литургического песнопения «Да молчит всякая плоть», в которой представлены без нимбов царь и митрополит в сопровождении монахов, свидетельствует о том, что почитание святителя Германа не нашло отражения в стенописи. Это представляется невероятным, тем более, что в описи 1614 г. указаны две местные иконы святителя» [6, с. 39]. Таким образом, анализируя программу фресок и обнаружив отсутствие в них образа святителя Германа, почитание которого началось после его смерти (1567 г.) и обретения мощей (1591 г.) [4, с. 211], а также изображение в алтаре царя и митрополита без нимбов, исследовательница утверждает, что роспись могла быть создана только в период игуменства Германа и внешняя возможная граница росписи – это 1566 год.

Следующая версия была высказана А. С. Преображенским в статье «К вопросу о датировке росписей собора Успенского монастыря в Свияжске», где исследователь датирует росписи собора уже 1605 г. [11].

Он опирается на следующие доводы:

– В конце XV–XVI в. на Руси каменные храмы крайне редко расписывались сразу после окончания строительства. Известно, что чаще между строительством храма и его росписью существовал достаточно большой перерыв.

– Отсутствуют упоминания росписи собора в писцовой и межевой книге Свияжска 1565/1566–1567/1568 гг. При этом упоминаются уже добавленные к росписи сюжеты в описи обители, составленной в сентябре 1613 г.

– Отсюда исследователь делает вывод о вероятном существовании некоей предшествующей описи между 1568 и 1613 гг., где, должно быть, уже подробно описывались фрески Успенского монастыря.

– Местонахождение летописца собора, не характерное для храмов сер. XVI в.

– В отдельных сохранившихся фрагментах летописи исследователь усматривает часть имени

митрополита Ермогена и царицы Марии Федоровны Нагой, что вкупе дает ему основания датировать создание росписи собора временем Лжедмитрия I. В таком случае росписи Успенского собора Свияжска «знаменуют собой конец гоудуновской эпохи».

Еще в одной публикации исследователь дает подробный стилистический анализ фресковой живописи собора. Все это в целом позволило ему выделить свияжские фрески в отдельную группу «эталонных, почти точно датированных памятников рубежа XVI–XVII веков» [12, с. 22].

Тем не менее, стилистика стенописей представляет известную трудность в ее определении в связи с отсутствием близких аналогов. Ко всему прочему, новые сведения, уже полученные, и те, которые, возможно, будут возникать в результате последних реставрационных работ, в частности, в алтарном пространстве, могут вновь скорректировать предложенные ранее выводы. В частности, В. Ф. Косушкиным, реставратором собора, выдвигается рабочая версия о нескольких этапах росписи собора.

Что касается летописи собора, то именно то место, которое является ключевым для определения времени росписи храма, имеет серьезные утраты, и предположение о присутствии в летописи имени Марии Федоровны Нагой выглядит все-таки гипотетическим.

Необходимо отметить, что для определения времени создания столь значительного фрескового комплекса важен исторический контекст, характеризующий жизнь в этот период как страны в целом, так и Успенского монастыря в частности. С точки зрения общесторического контекста росписи в удаленном от Москвы Свияжске были актуальны скорее в грозненское время, чем в преддверии надвигающейся Смуты. Что же касается хозяйственной жизни Успенского монастыря – об этом нам, вероятно, точнее расскажут местные историки и краеведы после анализа всех доступных архивных материалов.

Важно отметить, что, несмотря на достаточно широкий разброс в определении датировки росписи памятника, это никак не сказывается на констатации его несомненной уникальности с точки зрения стилистики росписей. Общее единство стиля основного объема храма, характеризующееся смелой и весьма своеобразной манерой, представляет для истории древнерусской живописи несомненную уникальную ценность. Практически всеми исследователями отмечается целостность и монументальность фрескового комплекса собора.

Помимо этого, необходимо отметить их уникальную сохранность. Это один из наиболее полно сохранившихся ансамблей второй половины XVII в.: 1080 м² росписи. Важно, что сохранилась живопись в главе собора – редкость для современного состояния памятников, поскольку главы вместе с живописью утрачивались всегда в первую очередь. И мы знаем, что в большинстве величайших наших памятников древнерусского искусства они реконструированы.

Важнейшей в определении выдающейся универсальной ценности фрескового комплекса Успенского собора является опора на программное содержание стенописей.

Как известно, в программе присутствуют 4 основные темы: сотворение мира, история Адама и Евы, протоевангельский цикл, Богородичный (в верхнем регистре северной и южной стен), столбы с изображением св. воинов. Программная интерпретация Священной истории также позволяет говорить о ее уникальности. В ней присутствуют новые, разрабатываемые в это время, циклы и сюжеты, основанные на развивающейся в рамках Макарьевских соборов богословской мысли. Свообразны не только программа, но и характер расположения фресок на сводах и стенах.

Помимо общего анализа иконографической программы стенописей собора, мы предлагаем посмотреть и на соотношение уникальности и исторического контекста исполнения отдельных сюжетов росписи. Так, в силу связанности этих сюжетов с ярославской монументальной школой живописи, нами подробно были рассмотрены два настольных изображения свияжского собора. Это фреска с изображением ярославских св. князей Федора, Давида и Константина на восточной грани южного столпа [15] и образ св. Христофора, находящийся на западной грани северного столпа [16]. При отсутствии прямых аналогов в историческом комплексе сохранившихся памятников древнерусской живописи с точки зрения стилистики исполнения, анализ бытования двух этих сюжетов в истории древнерусской живописи привел нас к выводу, что в обоих случаях это одни из наиболее ранних сохранившихся во фресковой живописи изображений, которые, ко всему прочему, отличаются также и великолепной сохранностью. Выстраивая канву появления во фресковых комплексах этих сюжетов, мы приходим к осознанию места данного фрескового комплекса как связующего элемента в древнерусской стенописной традиции между серединой XVI и началом XVII в. Думаю, что продолжение работы в подобном ключе только еще раз под-

твердит уникальность свияжского фрескового комплекса.

Возвращаясь к так называемым культурным критериям, выдвинутым в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры 16 ноября 1972 г., мы можем сделать предварительный вывод о том, что, несмотря на разброс мнений по границам датировки свияжских росписей, собор, на наш взгляд, соответствует критерию 4 об Объекте, являющемся выдающимся примером иллюстрации значимого периода человеческой истории. Фрески собора в полной мере коррелируются со всем комплексом представлений о новом царстве – третьем Риме, разрабатывавшемся в грозненское время, периоде, несомненно, значимом для новых обретенных территорий. Это подтверждается разработками коллег по сравнению программы стенописей собора с системой религиозно-богословских взглядов эпохи, конкретно, митрополита Макария, положений Стоглавого собора. К сожалению, материалы этих исследований еще не опубликованы.

Шестой критерий, необходимый для признания цикла фресок Успенского собора выдающейся универсальной ценностью, гласит: «Объект напрямую или вещественно связан с событиями или существующими традициями, с идеями, верованиями, с художественными или литературными произведениями и имеет исключительную мировую важность». Его обоснование также требует необходимой корректировки в связи с уточненной датировкой фресок собора. К сожалению, этому совершенно не помогает компромиссное решение вопроса о широких границах датировки памятника. Поэтому, вероятно, только комплексное исследование фресок Успенского собора с привлечением максимально возможного числа самых разных специалистов поможет, как хочется верить, доказать выдающуюся ценность памятника, в которой, собственно, никто из нас и не сомневается.

Библиографический список

1. Айналов, Д. В. Фресковая роспись храма Успения Богородицы в Свияжском мужском Богородицком монастыре [Текст] / Д. В. Айналов // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – Т. 21. – Вып. 1. – М., 1906.
2. Доклад ИКОМОС для Комитета Всемирного наследия (37 сессия, Пномпень, июнь 2013. – 13/37. COM/INF. 8B1)
3. Доклад Консультативной Миссии ИКОМОС по Свияжску. Российская Федерация. 2014 г.
4. Ерусалимский, К. Ю., Липаков, Е. В. Герман

[Текст] / К. Ю. Ерусалимский // Православная энциклопедия. – Т. XI. – М., 2006. – С. 209–211.

5. Каргер, М. К. Успенский собор Свяжского монастыря как архитектурный памятник (Из истории культурно-художественных взаимоотношений Пскова и Москвы) [Текст] / М. К. Каргер // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. 2. – Казань, 1928. – С. 3–5.

6. Квливидзе, Н. В. Фрески Успенского собора Свяжского монастыря. Программа росписи. Иконография и стиль [Текст] / Н. В. Квливидзе // Фрески и иконы Свяжского Успенского собора. – СПб., 2009. – С. 37–71.

7. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Генеральная конференция ООН по вопросам образования, науки и культуры. 16 ноября 1972 г [Текст] // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. – М.: Логос, 1993. – С. 290–302.

8. Кочетков, И. А. Росписи Успенского собора Свяжска. Реставрация и исследование [Текст] / И. А. Кочетков // Древнерусское искусство. Монаументальная живопись XI–XVII вв. – М., 1980. – С. 370–378.

9. Михайловский, Б. В., Пуришев, Б. И. Очерки истории древнерусской монументальной живописи [Текст] / Б. В. Михайловский. – Л., 1941. – С. 69–76.

10. Мнева, Н. Е. Московская живопись XVI в. [Текст] / Н. Е. Мнева // История русского искусства. – Т. 3. – М., 1955. – С. 560–564.

11. Преображенский, А. С. К вопросу о датировке росписей собора Успенского монастыря в Свяжске [Электронный ресурс] / А. С. Преображенский. – Режим доступа: http://kds.eparhia.ru/www/script/sv_leg1_6_43250115741.html Проверено 20.02.2016.

12. Преображенский, А. С. О фресках собора Свяжского Успенского монастыря [Текст] / А. С. Преображенский // Фрески и иконы Свяжского Успенского собора. – СПб., 2009. – С. 21–35.

13. Шестаков, В. Особенности экспертизы культурных ценностей [Текст] / В. Шестаков // Вопросы культурологии. – 2008. – № 11. – С. 57–64.

14. Юрьева, Т. В. Почитание св. Христофора и его отражение в ярославском круге памятников [Текст] / Т. В. Юрьева // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 6. – С. 334–339.

15. Юрьева, Т. В. Свяжский образ ярославских святых [Текст] / Т. В. Юрьева // XVII научные чтения памяти И. П. Болотцевой. – Ярославль, 2013. – С. 33–40.

Bibliograficheskij spisok

1. Ajnalov, D. V. Freskovaja rospis' hrama Uspenija Bogorodicy v Svijazhskom muzhskom Bogorodickom monastyre [Текст] / D. V. Ajnalov // Drevnosti. Trudy

Imperatorskogo Moskovskogo arheologicheskogo obshhestva. – Т. 21. – Вып. 1. – М., 1906.

2. Doklad IKOMOS dlja Komiteta Vsemirnogo nasledija (37 sessija, Pnompen', ijun' 2013. – 13/37. COM/INF. 8B1)

3. Doklad Konsul'tativnoj Missii IKOMOS po Svijazhsku. Rossijskaja Federacija. 2014 g.

4. Erusalimskij, K. Ju., Lipakov, E. V. German [Текст] / K. Ju. Erusalimskij // Pravoslavnaja jenciklopedija. – Т. XI. – М., 2006. – С. 209–211.

5. Karger, M. K. Uspenskij sobor Svijazhskogo monastyra kak arhitekturnyj pamjatnik (Iz istorii kul'turno-hudozhestvennyh vzaimootnoshenij Pskova i Moskvy) [Текст] / М. К. Karger // Materialy po ohrane, remontu i restavracii pamjatnikov TSSR. Вып. 2. – Kazan', 1928. – С. 3–5.

6. Kvlividze, N. V. Freski Uspenskogo sobora Svijazhskogo monastyra. Programma rospisi. Ikonografija i stil' [Текст] / N. V. Kvlividze // Freski i ikony Svijazhskogo Uspenskogo sobora. – SPb., 2009. – С. 37–71.

7. Konvencija ob ohrane vsemirnogo kul'turnogo i prirodnogo nasledija. General'naja konferencija OON po voprosam obrazovanija, nauki i kul'tury. 16 nojabrja 1972 g [Текст] // Mezhdunarodnye normativnye акты JuNESKO. – М.: Logos, 1993. – С. 290–302.

8. Kochetkov, I. A. Rospisi Uspenskogo sobora Svijazhska. Restavracija i issledovanie [Текст] / I. A. Kochetkov // Drevnerusskoe iskusstvo. Monumetal'naja zhivopis' XI–XVII vv. – М., 1980. – С. 370–378.

9. Mihajlovskij, B. V., Purishev, B. I. Oчерки istorii drevnerusskoj monumetal'noj zhivopisi [Текст] / B. V. Mihajlovskij. – Л., 1941. – С. 69–76.

10. Mneva, N. E. Moskovskaja zhivopis' XVI veka [Текст] / N. E. Mneva // Istorija russkogo iskusstva. – Т. 3. – М., 1955. – С. 560–564.

11. Preobrazhenskij, A. S. K voprosu o datirovke rospisej sobora Uspenskogo monastyra v Svijazhske [Jelektronnyj resurs] / A. S. Preobrazhenskij. – Rezhim dostupa: http://kds.eparhia.ru/www/script/sv_leg1_6_43250115741.html Provereno 20.02.2016.

12. Preobrazhenskij, A. S. O freskah sobora Svijazhskogo Uspenskogo monastyra [Текст] / A. S. Preobrazhenskij // Freski i ikony Svijazhskogo Uspenskogo sobora. – SPb., 2009. – С. 21–35.

13. Shestakov, V. Osobennosti jekspertizy kul'turnyh cennostej [Текст] / V. Shestakov // Voprosy kul'turologii. – 2008. – № 11. – С. 57–64.

14. Jur'eva, T. V. Pochitanie sv. Hristofora i ego otrazhenie v jaroslavskom krugе pamjatnikov [Текст] / T. V. Jur'eva // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 6. – С. 334–339.

15. Jur'eva, T. V. Svijazhskij obraz jaroslavskih svjatyh [Текст] / T. V. Jur'eva // XVII научные чтения памяти И. П. Болотцевой. – Jaroslavl', 2013. – С. 33–40.